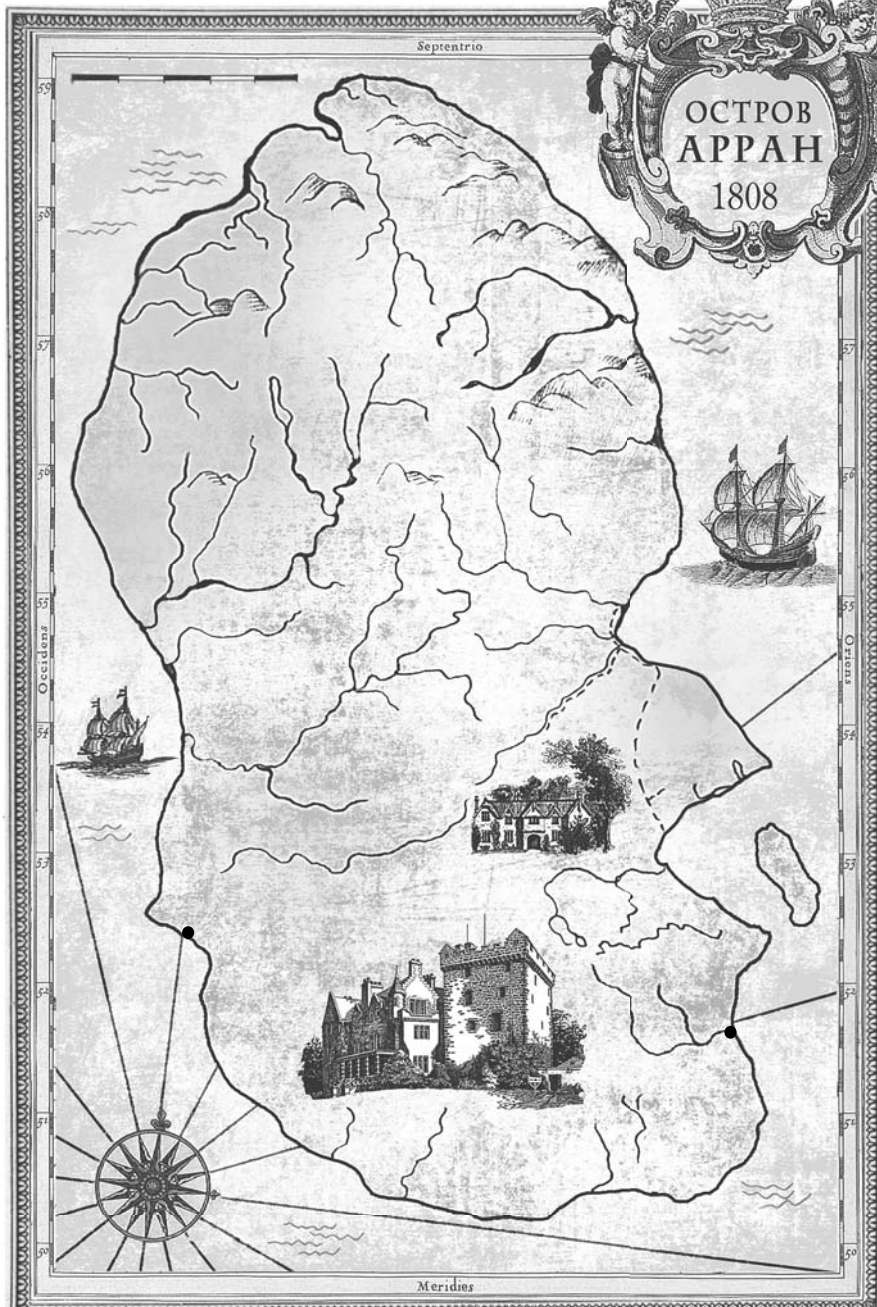
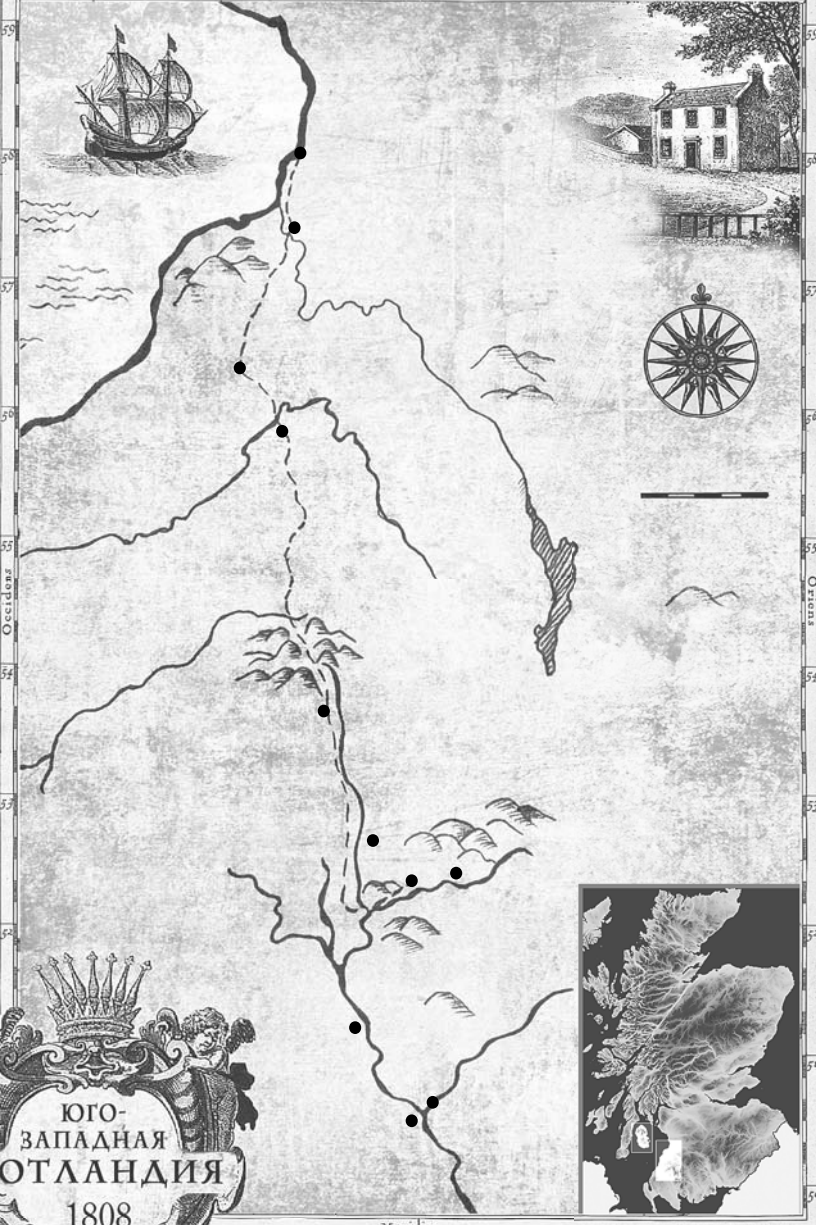

Книжка Сергия Булгакова

МИЛОСТЬ В ОЧАХ ТВОИХ

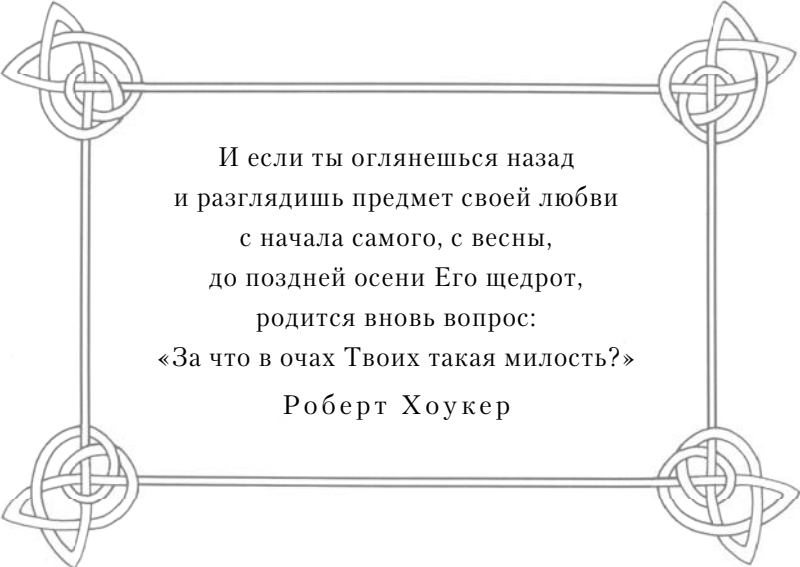
Septentrio

Meridies

ЮГО-
ЗАПАДНАЯ
ШОТЛАНДИЯ
1808

И если ты оглянешься назад
и разглядишь предмет своей любви
с начала самого, с весны,
до поздней осени Его щедрот,
родится вновь вопрос:
«За что в очах Твоих такая милость?»

Роберт Хоукер

Глава первая

Они так рано встали,
Чтоб майские обряды совершить.

Уильям Шекспир

Долина озера Трул
Весна 1808 года

Дейвина Маккай опустилась на колени на поросшем травой склоне холма. Несмотря на утреннюю прохладу, она сбросила с плеч шаль. Притихшая долина была окутана перламутровым туманом. Суровые вершины Маллдона-ча казались темными силуэтами с золотистой окантовкой — значит, скоро взойдет солнце.

Девушка улыбнулась.

А между тем ее братьев нигде не было видно.

Она провела пальцами по мокрой траве и осторожно втерла росу в кожу обеих щек и лба, но в первую очередь носа. Если майская роса, как говорят знахарки, способна избавить от веснушек, она будет умываться ею каждое утро весь месяц май. Неважно, что конопушки отлично сочетаются с копной ее рыжих волос, — все-таки они больше подходят детям, а посему в свои семнадцать лет Дейвина решила от них избавиться.

Она выпрямилась и поправила сползший на затылок венок из маргариток, надетый для защиты от домовых, водяных и прочей нечисти, наводнившей землю на Белтейн*, затем поднялась на ноги и тут сквозь туман услышала знакомый голос:

— «И в майский день кольцо волшебное надень!» — Это брат Уилл — его баритон нельзя не узнать. И его близнец Сэнди — только мать зовет его Александром — обязательно где-то рядом.

«Ну, что ж». Дейвина пошла им навстречу.

---

* Традиционно отмечаемый 1 мая кельтский праздник начала лета и любви. — Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.

Из тумана появились две темные, как ночь, лохматые головы. Близнецы были младше ее на год и невероятно друг на друга похожи: у них были одинаковые карие глаза, широкие грудные клетки и мускулистые спины. «Будто два оленя», — как-то сказала мать, намекая на то, что в сезон охоты им лучше по пустошам не бродить.

Братья подошли ближе и закончили майский стишок:

— «Тропою фей оно ведет к колодцу».

Дейвина сразу узнала поэта.

— Роберт Фергюсон, — сказал Уилл, словно прочел в ее глазах это имя. Он потянул сестру за струящиеся по спине распущенные волосы, концы которых доставали до талии. — Сэнди, я же говорил: сегодня утром на холмах нам обязательно встретится фея. Видишь, у нее остренькие ушки?

Братья Маккай неустанно сравнивали сестру с этими фантастическими существами, поскольку она не доставала им даже до плеча, а ее ручки и ножки были такими миниатюрными, словно она все еще была маленькой девочкой. Дейвина выдернула свои волосы из рук Уилла, тогда второй близнец принялся дергать ее за юбку.

Его глаза озорно блестели, и он продолжал описывать ее внешность:

— Светло-зеленое платье, нежная кожа и веноч из цветов на голове. Не хватает только крылышек.

Уилл подмигнул сестре:

— Просто ты невнимательно смотришь, братец.

Девушка взмахнула за спиной своей кружевной шалью, и оба близнеца покатались со смеху:

— Как я вижу по мокрым щекам, наша фея умылась росой. — Сэнди легонько ущипнул сестру за носик: — Кажется, она считает, что недостаточно красива.

Дейвина знала, что он шутит, но все равно решительно развернулась и бросилась вниз по склону холма. Она старалась не поскользнуться на мокрой траве, чтобы не испортить всю театральность сцены. Братья ее звали, но она делала вид, что не слышит их.

— Эй, Дейвина! — Уилл вновь выкрикнул ее имя, но его приглушенный туманом голос прозвучал мягко. — Сэнди не хотел тебя обидеть. Ты сама знаешь, как он неловок с девушками.

До Дейвины донесся звук удара и легкий стон, затем Сэнди сказал чуть задыхающимся голосом:

— Он говорит правду, Дейвина. Тебе ни к чему майская роса — ты и так уже самая красивая девушка в Галлоуэе.

Он, естественно, преувеличивал: на юго-западе Шотландии найдется несколько десятков девушек красивее ее, но братья боготворили сестру. Наконец Дейвина замедлила шаг, чтобы они смогли ее нагнать.

— Так-то будет лучше. — Уилл положил на свою согнутую в локте руку ее изящную ручку, Сэнди сделал то же самое с другой стороны. — Давай прекратим разговоры о твоей красоте — все равно ни один джентльмен в Моннигэффе тебя не достоин.

Девушка не могла сейчас хлопать в ладоши — так она обычно выражала радость, — поэтому лишь покачала головой, осуждая глупость Уилла, и все трое продолжили спуск с холма. Ритуал требовал полной тишины, что ей давалось легко, а вот у ее братьев это не получалось.

— А у нас для тебя новость, — вдруг признался Уилл, когда все трое закончили спуск. — Из-за нее мы и пошли за тобой. — От бурных вод Бучан-Барна они свернули на запад, в сторону дома Маккаев. — После завтрака отец собирается что-то нам сообщить. И, как всегда, пока не говорит, что.

— Да, — скривился Сэнди, — для всех нас это будет неожиданностью.

Дейвина внимательно посмотрела на братьев. Интересно, сообщение будет касаться плохого или хорошего? Она притронулась пальцем сначала к губам, затем к сердцу. Они поймут, что она хочет этим сказать: «Вы больше ничего не знаете? Я не проговорюсь».

Уилл отрицательно покачал головой и стал тверже чеканить шаг:

— Мы больше ничего не знаем, детка. Отец лишь потребовал, чтобы мы немедленно явились к столу. Когда он это говорил, он не улыбался.

«Значит, он сообщит что-то плохое».

Радость начала испаряться, словно утренний туман под лучами солнца. Все трое шли молча. Тишину изредка нарушал гортанный

крик парящего над озером Трул ворона. Начались заросли сосен, из-за чего стало невозможно идти под руку, поэтому теперь Дейвина следовала за Уиллом, а Сэнди замыкал процессию. Девушка продолжала размышлять об услышанном.

Не намечается ли чья-то свадьба? Близнецам всего по шестнадцать, они еще слишком юны. Дейвина невольно замедлила шаг. Уж не нашли ли ей жениха? Едва ли, иначе мать обязательно бы ей об этом сказала. Может, собрался жениться Иона? Ее брат не уступает отцу красотой, и любая девушка будет рада стать его женой. В октябре ему исполнится девятнадцать — пора уже заводить семью.

Иона был ее старшим братом, причем в полном смысле слова. Умный. Надежный. Ответственный. Правда, близнецы считали иначе. Лишенный воображения. Предсказуемый. Зануда. Дейвина подозревала, что ими движет зависть, ведь Иона — наследник Глентрула, однако именно Уилл и Сэнди отправились за ней на холмы, чтобы предупредить ее о предстоящем сообщении отца. Возможно, хотя бы сегодня он попутно скажет младшим сыновьям какое-нибудь ласковое слово? Если такое случится, она никогда не забудет этот день.

Они подошли к Глентрулу. Дейвина подняла глаза на квадратную с круглой башней центральную часть здания. Дом в виде буквы «L» был построен из необработанного гранита, который добывался в долине. Он выглядел строгим и величественным, как высившаяся за ним неприступная гора Исчонкан, как вера построившего этот дом прадеда.

Все трое вошли в него и, громко стуча сапогами по деревянному полу, миновали длинный холл. Дейвина остановилась перед зеркалом, чтобы поправить батистовую манишку, и сняла с головы венки. После утренней прогулки по холмам ее волосы спутались.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, успокаивая дыхание, затем отвернулась от своего отражения в зеркале и направилась в столовую с темными балками, где ее встретили портреты представителей нескольких поколений Маккаев. Единственное окно не могло дать достаточного для большого помещения количества света. Вся семья уже собралась за большим столом, во главе которого сидел отец. Слева от него расположился Иона, спра-

ва — мать. Не успел Иона поздороваться, как сестра уже заметила его беспокойный взгляд и расслышала в голосе тревожные нотки. «Что-то неладно». Отец хмурил брови. Значит, есть повод для волнения.

— А я уже собиралась отправить за вами Рэба, — без малейшего упрека в голосе сказала мать. — Представляешь, муж мой? — Она коснулась его рукава. — Твои сыновья вовремя явились к столу.

— Да, действительно. — Джейми погладил ее руку и улыбнулся.

Среди помещиков браки обычно заключались по расчету — о любви никто даже не думал, — однако отец и мать Дейвины были из этого правила исключением. По ее мнению, родители были красивой парой: у матери была фарфорово-белая кожа, белокурые, чуть серебристые волосы и большие голубые глаза. Отец, напротив, был шатеном: в его волосах, по-прежнему густых, тоже появились серебряные нити, темные брови оттеняли глаза цвета мха, которые видели насквозь. В марте мать скромно отметила свое сорокалетие, а отец несколькими годами раньше так же скромно отметил свое.

— Милая? — голос матери отвлек Дейвину от размышлений. Она придвинула к ней альбом для рисования: — Я нашла его в твоей комнате и подумала, что он тебе пригодится.

Дейвина открыла альбом на чистой странице и проверила острие лежащего внутри него угольного карандаша — он был остро наточен отцовским ножом с костяной ручкой. Когда ей не хватало мимики и жестов, чтобы выразить свои мысли, она записывала их на полях рисунков. Сейчас у нее возникло горячее желание что-то нарисовать, чтобы, пока остальные завтракают, занять руки и голову, поскольку сама она есть не хотела.

В столовой показались двое слуг с подносами в руках. Блюдо с ломтями бекона и горшок с ароматной овсянкой они поставили на сервант, рядом разместился поднос с холодной бараниной и вареными яйцами. Близнецы поднялись, чтобы наполнить свои тарелки. Лица обоих выдавали их подавленное состояние.

Дейвина проглотила кусочек сухой лепешки и поспешила запить ее чаем, при этом она изучала лицо матери, чтобы попробовать догадаться, что же их ждет. Уж не дрожит ли у матери подбородок? Не на мокром ли месте ее глаза?

Неожиданно отец отодвинул тарелку с недоеденной кашей и промокнул губы салфеткой, показывая, что готов говорить.

— У меня для вас важная новость, которая не терпит отлагательства.

У Дейвины перехватило дыхание. *«Пожалуйста, отец, пусть новость будет хорошей».*

С мрачным видом братья повернули к отцу головы, а Дейвина схватилась за карандаш. Кажется, сейчас они получают ответы на все свои вопросы.

